

Информационное/глобальное в понимании Мануэлем Кастельсом современного общества

Статья рекомендована Т.В. Ершовой 20.10.2017.

**НАУМЕНКО Тамара
Васильевна**

*Доктор философских наук,
профессор, факультет
глобальных процессов МГУ
имени М.В. Ломоносова*

Аннотация

Актуальность темы данной статьи предопределена той остротой и востребованностью, которая на сегодняшний день существует в обществе в отношении всего, что касается как процессов информации, так и темы информационного общества. В статье предпринят критический анализ концепции информационного общества известного испанского социолога Мануэля Кастельса, а также рассмотрены некоторые критические аргументы названного автора не менее известным ученым Фрэнком Уэбстером. Проанализирована противоречивая позиция информационно-технологического детерминизма Кастельса, его понимание информационного общества, исходящее из разделения понятий информационной/глобальной экономики и индустриальной экономики, а также рассмотрены выделенные автором признаки нового типа общества; проанализированы особенности постмарксистских оснований теории Кастельса, а также его противоречивая позиция по поводу технологического детерминизма. Дана высокая оценка данному автором выделению главного источника производительности как воздействию знания на само знание; сделан вывод о том, что мнение социолога как о национальном государстве, так и о кризисе, который сопровождает государство и описываемую Кастельсом форму политической демократии, нельзя считать доказательством возникновения нового типа общества.

Ключевые слова:

информационное общество, технологический детерминизм, информационное, глобальное, индустриальное, производственные отношения, отношения власти, Кастельс, Уэбстер.

Не будет преувеличением сказать, что проблема информационного, иначе называемого постиндустриального, общества является одной из самой актуальной в современном научном сообществе. Это обусловлено, во-первых, извечным и непреходящим интересом человечества к самому себе в виде осмысления форм его структурной организации, и, во-вторых, активно протекающими на современном планетарном пространстве процессами глобализации, меняющими полностью геополитический, экономический и даже психологический ландшафт современной цивилизации. Это еще больше подстегивает интерес к тому, что же происходит с обществом как коллективной формой деятельности людей, каковы механизмы этого изменения и чего же нам ждать в будущем.

Переход общества на стадию постиндустриального развития, совпавший со все более возрастающей компьютеризацией и информатизацией, способствовали тому, что данный этап стал носить название информационного общества, исследованию феномена которого посвящены многочисленные работы ученых самых разных научных направлений, в том числе и социологии. Одним из самых известных современных социологов-теоретиков информационного общества является социолог постмарксистской направленности Мануэль Кастельс.

В 1996–1998 гг. М. Кастельс публикует фундаментальную трехтомную монографию «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»,

которая подводит итог его многолетним исследованиям о современном мире [1]. Однако прежде всего необходимо упомянуть о тех мыслителях, под влиянием которых сформировалась сама концепция информационного общества Кастельса. Известный исследователь проблем информационного общества Фрэнк Уэбстер [2] считает, что вышеназванная трилогия «Информационная эпоха» — это своего рода отражение процесса развития взглядов Кастельса от «молодого Маркса» к более поздним воззрениям, которые правильно было бы назвать постмарксистской социальной наукой. Не без некоторой, как нам кажется, снисходительности по отношению к радикализму Кастельса, Уэбстер считает, что именно этот радикализм — суть движущая сила интеллектуальной работы испанского социолога. Следует заметить, что критика Кастельса Уэбстером намного лучше помогает понять концепцию знаменитого испанского социолога, именно по этой причине мы, анализируя Кастельса и его концепцию, неоднократно обращаемся к работе Уэбстера.

Говоря о постмарксизме Кастельса, Уэбстер отмечает его убежденность в утрате пролетариатом своего значения как главного двигателя перемен и в скептицизме по отношению к коммунизму как конечной цели общественного развития. В обоснование такого рода скепсиса Кастельс выдвигает такой аргумент, как то, что результатом всякой серьезной попытки воплощения в жизнь любой утопии является возникновение террора, а террор не может быть конечной целью общественного развития. Уэбстер также отмечает уверенность Кастельса в том, что классовой теорией невозможно объяснить многие феномены, актуальные в современном мире и включенные в современную систему ценностей. Например, совершенно внеклассовыми представляются такие явления, как феминизм и борьба за права животных.

Однако несмотря на столь серьезные расхождения с классической теорией, Кастельс всё же остаётся марксистом. Взять, к примеру, используемую им терминологию. Такое основополагающее марксистское понятие, как *способ производства* является одним из ключевых понятий, используемых в его работе. Уэбстер подмечает даже то, что сама логика выстраивания монографии (социальные структуры — социальные движения — политика) напоминает методологию марксистов с их переходом от структурных характеристик к социальной сфере, а от неё — к политике [2, с. 132]. Кроме того, именно в марксизме Уэбстер видит истоки холизма Кастельса, который основой понимания главных принципов и законов социальной, экономической и политической сфер общества считает изучение взаимосвязанных элементов.

Попытаемся, наконец, разобраться с теоретическими посылами Кастельса. Социолог с уверенностью утверждает, что в данный момент мы можем наблюдать появление общества нового типа, основными характеристиками которого является то, что, во-первых, оно возникает благодаря развёртыванию сетей, и, во-вторых, приоритетное значение в нем имеют информационные потоки.

Здесь мы считаем важным остановиться на терминологии Кастельса, так как в ней как раз можно наблюдать суть его позиции. Он нигде прямо не говорит о приходе информационного общества, всячески стараясь откеститься от использования этого термина. Автор не считает его правомерным, так как, говоря об *информационном обществе*, мы, прежде всего, подчёркиваем значение в нём информации. Но, как пишет сам Кастельс, «я утверждаю, что информация

в самом широком смысле, т.е. как передача знаний, имела критическую важность во всех обществах, включая средневековую Европу, которая была культурно структурирована и в некоторой степени объединена вокруг схоластики, иначе говоря, в основном в интеллектуальных рамках».¹

Взамен он предлагает использовать термин «*информационное*», указывающий на специфический атрибут социальной организации, «в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти».²

В целом же Кастельс предлагает называть современный этап функционирования общества «*информационным капитализмом*», подчёркивая тем самым как присутствие кардинально нового, так и преемственность. Для более глубокого понимания этого противоречия «между признанием, что капитализм есть самая главная характеристика нашего времени (преемственность), и утверждением, что *информационизм* имеет первостепенное значение (перемены)»³, снова стоит обратиться к терминологии, используемой автором.

Кастельс применяет две категории: «*способ производства*» и «*способ развития*».

Способ производства, по Кастельсу, это «структурный принцип, согласно которому присваивается и контролируется экономический излишек. В XX в. мы жили, в сущности, при двух господствующих способах производства: капитализме и этатизме».⁴

Способ развития — это технологическая схема, через которую труд воздействует на материал, чтобы создать продукт, детерминируя, в конечном счете, величину и качество экономического излишка.

Каждый способ развития определяется элементом, который является фундаментальным для повышения производительности производственного процесса. Применяя исторический анализ и обобщая разные способы развития человечества, Кастельс формулирует свою знаменитую схему, включающую этапы развития человечества и определяющуюся по некоторым сущностным характеристикам:

1. *аграрный способ развития*, при котором источник растущего экономического излишка есть результат количественного роста трудовых усилий и природных ресурсов (особенно земли), вовлеченных в производственный процесс, а также природной обеспеченности этими ресурсами;
2. *индустриальный способ развития*, в котором главный источник производительности заключается во введении новых энергетических источников и в способности децентрализовать использование энергии в процессах производства и распределения;
3. а также новый, *информационный способ развития*, при котором источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Специфическим для информационного способа развития

¹ Кастельс, Введение, Информационизм и капиталистическая «перестройка»

² Кастельс, Введение, Информационизм и капиталистическая "перестройка"

³ Там же.

⁴ Кастельс, Введение, Информационизм, капитализм, этатизм: способы развития и способы производства

является *воздействие знания на само знание* как главный источник производительности.

Это определение информационного способа развития, имеющего непосредственное отношение и к определению самого информационного общества, является, на наш взгляд, наилучшим из всех существующих на данный момент времени, потому что оно не только фиксирует протекание самого социального процесса на уровне явления, но и приоткрывает его сущность, а также указывает как на функцию информации (знания), так и на сам процесс ее изменения и развития. Это определение Кастельса, на наш взгляд, является самым большим достижением социолога и вносит значительный вклад в исследование социальных процессов.

Рассматривая динамику и структуру общества, Кастельс, естественно, наибольшее внимание, как мы уже видели, уделяет современному обществу. Анализируя многочисленные современные трансформации, происходящие в социуме, он встает на позицию технологического детерминизма и считает, что «ядро трансформации, которую мы переживаем теперь, связано с *технологиями обработки информации и коммуникацией*». ⁵ Вот здесь мы подходим к самой сложной части анализа теории Кастельса. Сложной не по причине непростых для понимания мыслительных концептов, не из-за блестящей, но неожиданной логики, которой мысль могла бы следовать. Сложность заключается в том, что испанский социолог противоречит сам себе, причём неоднократно.

Формально он отрицает обвинения в технологическом детерминизме. Более того, в этом отрицании он заходит так далеко, что отрицает, вслед за Мелвином Кранцбергом, саму идею технологического детерминизма. «В действительности, дилемма технологического детерминизма представляет собой, вероятно, ложную проблему, поскольку технология есть общество, и общество не может быть понято или описано без его технологических инструментов». ⁶

Автор убедительно говорит о том, что технологии, по его мнению, не предопределяют развитие общества, и отмечает, что и общество в целом не предписывает курс технологических изменений. В качестве аргумента он приводит тот факт, что научные открытия есть результат не только общественных тенденций, но и индивидуальной изобретательности и предпринимательского духа. Уже сам по себе этот аргумент вызывает у нас возражения. Остаётся неясным, по какой причине Кастельс выделяет индивидуальную изобретательность и предпринимательский дух в какие-то отдельные факторы, будто бы не зависящие от социального.

Анализируя концепцию Кастельса, Фрэнк Уэбстер, на наш взгляд, прекрасно пишет об этом в первой главе своей книги: «Очевидно, что технологии не отделены от области социального. К примеру, решения, принимаемые по поводу тех или иных исследований и научных разработок, выражают социальные приоритеты, и на основе этих оценочных суждений развиваются те или иные виды технологий» [2, с. 17].

При дальнейшем рассмотрении противоречия в теории Кастельса становятся еще более очевидными. Так, говоря про уроки индустриальной революции,

⁵ Кастельс, Часть 1.1 «Какая революция?»

⁶ Кастельс, Введение, Технология, общество и исторические изменения

Кастельс пишет: «технология, выражающая специфические социальные условия, во второй половине XVIII в. сформировала новую историческую траекторию». ⁷ Нам кажется, что подобные слова вряд ли сочетаются с попытками заявить себя как не-адепта технологического детерминизма. Как будто бы для того, чтобы у внимательного читателя не осталось сомнений, автор, продолжая разговор об индустриальных революциях добавляет: «в их ядре находилась фундаментальная инновация в сфере производства и распределения энергии. Р. Дж. Форбс, классик истории технологии, утверждает, что «изобретение парового двигателя есть центральный факт индустриальной революции». ⁸

После подобных заявлений нам остаётся только недоумевать. Почему великий социолог, обладающий развитыми навыками рефлексии, не в состоянии разглядеть в своих собственных тезисах яркие следы технологического детерминизма? Что нам кажется более вероятным, так это попытка как бы обойти этот вопрос стороной. Ведь без технологий как ядра изменений вся концепция, скорее всего, рассыпается. Возможно, что кто-то другой на месте Кастельса, быть может, решил бы пересмотреть свою концепцию. Но испанец действует с упорством, продолжая защищать труд многих лет своей жизни даже путём интеллектуального ханжества. Подобные ухищрения кажутся нам сложно совместимыми со статусом серьёзного учёного, что и отмечают многие критики знаменитого социолога.

Корень этих яростных попыток избежать обвинений в технологическом детерминизме кроется, на наш, взгляд, во-первых, в том, что подобная позиция уже давно дискредитировала себя в рамках научного дискурса, и, во-вторых — как справедливо замечает Уэбстер, предъявляя схожие претензии Дэниелу Беллу — в самом интеллектуальном консерватизме Кастельса, что, в свою очередь, заставляет усомниться в серьезности его аргументации по поводу общества качественно нового типа. Хотя интеллектуальный консерватизм сам по себе ещё не означает неправоты автора, но в случае с Кастельсом это ещё один повод задуматься над достоверностью всех выводов ученого в осмыслении социальных процессов.

Однако невзирая на существующие противоречия, представляется необходимым сделать акцент на некоторых тезисах в работе испанского социолога, которые могут представлять интерес. Пусть не как основа концепции общества нового типа, но как результат многолетнего труда по описанию существующей действительности.

Одним из моментов, заслуживающих независимо от отношения к нему пристального внимания, является как раз-таки концепция *информационно-технологической парадигмы*, так или иначе завязывающей исследование Кастельса на технологический детерминизм, но, с другой стороны, указывающий на несомненную важность этого феномена в становлении любого общества. Кристофер Фримен пишет:

"Техноэкономическая парадигма есть концентрация взаимосвязанных технических, организационных и менеджерских инноваций, преимущества которых следует искать не только в новом диапазоне продуктов и систем, но более всего в динамике относительной структуры затрат на всевозможные вложения в производство. В каждой новой парадигме некое конкретное вложение или их совокупность можно назвать "ключевым фактором" этой парадигмы,

⁷ Кастельс, Часть 1.2

⁸ Там же.

характеризуемым падением относительных затрат и универсальной доступностью. Современное изменение парадигмы можно рассматривать как сдвиг от технологии, основанной главным образом на вложении дешевой энергии, к технологии, основанной преимущественно на дешевых вложениях информации, почерпнутых из успехов в микроэлектронике и телекоммуникационной технологии"[3].

В своей концепции Кастельс выделяет пять столпов информационно-технологической парадигмы:

1. Первая особенность новой парадигмы в том, что мы используем технологии для *воздействия на информацию*, а не информацию для воздействия на технологию, как было раньше.
2. Вторая особенность — *всеохватность* эффекта новых технологий. Информация проникает во все сферы нашей жизни и оказывает воздействие на все виды человеческой деятельности. Кастельс делает поправку, говоря, что процессы нашего существования «формируются, хотя, разумеется, не детерминируются новым технологическим способом». ⁹ Но подобные оговорки в ключе описанных выше претензий к автору звучат, во-первых, не очень убедительно, а во-вторых, в очередной раз подчеркивают противоречивость концепции Кастельса.
3. Третья характеристика состоит в *сетевой логике* любой системы или совокупности отношений, использующей эти новые информационные технологии. Сетевой логике как таковой в работе Кастельса уделено довольно много внимания. В качестве достоинства этого способа организации он называет способность структурирования неструктурированного при сохранении гибкости.
4. Четвёртой особенностью информационно-технологической парадигмы является *гибкость*, связанная с сетевой логикой, хотя и не принадлежащая целиком ей. Таким образом, в качестве конфигурации современной парадигмы можно выделить только её реконфигурируемость.
5. Пятая характеристика этой технологической революции — *это растущая конвергенция конкретных технологий в высокоинтегрированной системе*, в которой старые, изолированные технологические траектории становятся буквально неразличимыми. Более того, в терминах технологической системы один элемент невозможно представить без другого.

Таким образом, все пять особенностей, выделенных Кастельсом, свидетельствуют, с одной стороны, о попытке социолога найти системообразующее качество, которое позволит нам с очевидностью и однозначностью выявить все специфические черты общества нового типа, а, с другой стороны, все-таки показывают нам некоторую зависимость ученого от парадигмы технологического детерминизма, которую он попытался распространить на всю информационную сферу, сделав слишком большой упор на техническую сторону информатизации в ущерб, как нам кажется, ее содержательно-коммуникативной стороне.

⁹ Кастельс, Часть 1.5 Информационно-технологическая парадигма

Следующим заслуживающим, на наш взгляд, пристального внимания моментом программной работы Кастельса является аналитическое разделение понятий *информациональной/глобальной экономики и индустриальной экономики*.

Кастельс пишет: «Итак, хотя *информационная/глобальная экономика* отличается от индустриальной, между ними нет логических противоречий. *Информационная экономика* — это подмножество *индустриальной*. Она заключается в глубоком улучшении технологии и использовании знаний и информации во всех процессах материального производства и распределения на основании гигантского скачка вперед, в размахе и возможностях системы обращения».¹⁰

Этот тезис, утверждающий про качественное отличие *информационного* способа развития от *индустриального*, также производит впечатление некоторой противоречивости. Единственным выходом из этого противоречия могло бы стать утверждение о том, что *информационная экономика* не построена на *информационном* способе развития, хотя это и привело бы к неоправданной терминологической путанице. Однако автор не делает и этой оговорки, что заставляет в очередной раз задуматься о логичности его рассуждений.

Еще одно положение, на которое, на наш взгляд, стоит обратить пристальное внимание, касается понимания Кастельсом *нового общества*. Он считает, что новое общество возникает тогда, когда мы можем наблюдать структурные изменения в *производственных отношениях, отношениях власти и отношениях опыта*, а также уверен, что «эти преобразования приводят к одинаково значительным модификациям общественных форм пространства и времени и к возникновению новой культуры».¹¹

Производственные отношения, по мнению автора, были преобразованы как социально, так и технически. «Несомненно, они остались капиталистическими, но это исторически иной вид капитализма, который я назвал *информационным капитализмом*», пишет Кастельс.¹²

Отличительная особенность новых производственных отношений, по мнению автора, — это наличие третьего уровня процесса присвоения прибыли капиталом (наряду с прибылью собственников и менеджмента), который является одновременно и старой формой, и фундаментальной особенностью нового *информационного капитализма*. Кастельс говорит о глобальных финансовых рынках, считая их «реальным коллективным капиталистом».¹³

Говоря о действительно фундаментальных социальных сдвигах в *информационную эпоху* (и снова остаётся неясным, в каком смысле здесь использован термин, от которого он так активно дистанцировался), автор упоминает разделение рабочей силы на *информационных производителей и заменяемую родовую рабочую силу*. Нам кажется не вполне корректным такое деление. В данном случае сложно не согласиться с критикой Уэбстера, считающего, что «понятие *информационного труда* у Кастельса слишком уж широко» [2, с. 154]. Действительно, его определения слишком всеохватны, под них подпадают и брокеры с Уолл-стрит, и хирурги в больнице, и владельцы маленьких пекарен. Аналитическая полезность такого рода определения на наш взгляд практически отсутствует из-за низкой эвристичности введенного понятия.

По мнению автора концепции, *отношения власти* также трансформируются под влиянием социальных процессов, и с этим трудно не согласиться.

¹⁰ Кастельс, Часть

2.2.5 Историческая специфичность
информационизма

¹¹ Кастельс,

Часть 9.2 Новое общество

¹² Кастельс,

Часть 9.2 Новое общество

¹³ Там же.

Основное изменение, считает Кастельс, «связано с кризисом национального государства как суверенной единицы и сопровождающего его кризиса той формы политической демократии, что создавалась в течение последних двух веков».¹⁴ Аналогичные соображения по этому поводу встречаются и в работах еще одного известного социолога, англичанина Энтони Гидденса. Сравнив их позиции, можно отметить, что оба исследователя сходятся в своей оценке процессов, происходящих как с национальными государствами, так и с институтом демократии. И хотя позиция обоих авторов видится нам вполне логичной и аргументированной, все же ее сложно принимать в качестве доказательства возникновения нового типа общества — ведь если речь идет о кризисе *старых* институтов, то мы видим, что именно они-то пока и продолжают функционировать, пусть и не так успешно, как раньше. Новый же тип общества означал бы помимо прочего и *новые* институты, появление которых пока что мы видим только в гипотезах, которые очень нуждаются в строгих подтверждениях.

Наконец, изменение *отношений опыта* связано, по мнению Кастельса, главным образом с кризисом *патриархальности*, глубоким переосмыслением понятия семьи, отношений полов, сексуальности и, как следствие, личности. Он считает, что «сегодня люди в большей степени производят формы социальности, нежели следуют моделям поведения».¹⁵ На наш взгляд, такое утверждение говорит скорее о том, что автор желает это видеть, нежели о том, что это есть на самом деле, потому что разделение совместной деятельности людей на производство форм социальности и на следование моделям поведения просто не существует и не может существовать, ибо в онтологической реальности общественной жизни эти два процесса происходят одновременно и неотрывно друг от друга. В теории же Кастельса это выглядит так, как будто бы раньше люди век от века воспроизводили модели поведения, усвоенные в процессе социализации, а потом пришёл XX век, и люди стали отрицать стереотипы, и начали все как один жить независимо от общества. Однако по нашему мнению нет причин говорить о столь качественном изменении в социуме хотя бы потому, что это, как мы уже сказали, просто невозможно. Люди всё так же в основной своей массе воспроизводят модели, и всё так же есть небольшая по численности элита, конструирующая новые модели и внедряющая ее в массовое сознание, ориентируя людей в направлении, предпочтительном для доминирующих социальных группировок. Возможно, автора в данном случае ввела в заблуждение одна из ныне активно тиражируемых моделей — модель не следования моделям. Говоря о кризисе патриархальности, нам кажется важным отметить, что этот кризис ещё не означает, как и в случае с кризисом национальных государств и демократии, появление *взамен* чего-то иного и нового.

В заключение нам хотелось бы особо подчеркнуть, что некоторая изложенная в данной работе критика относится прежде всего к самой идее возникновения нового типа общества и не умаляет колоссальных заслуг авторов на ниве описания существующей социальной действительности. Безусловно, вклад и Энтони Гидденса, и Мануэля Кастельса в мировую социальную науку огромен.

Говоря о Фрэнке Уэбстере, хочется отметить его блестящий аналитический ум и поразительную въедливость, благодаря которым его без сомнения можно поставить на один интеллектуальный уровень с величайшими социологами современности.

Что же касается *информационного общества*, то вопрос, признавать научному сообществу его реальность или нет, будет упираться в то, насколько глубоко современными учеными не только описывается явление, но и вскрывается сама сущность этого феномена. Кому-то подойдёт жёсткая позиция Фрэнка Уэбстера, а кто-то сочтёт, что для провозглашения нового общества достаточно тех особенностей, которые выделяют рассмотренные нами авторы. Хотя всё же нам кажется более верным придерживаться в рамках научного дискурса как можно более жёстких критериев, основанных именно на выявлении существенных системообразующих параметров этого феномена, отдав любовь к громким терминам на откуп средствам массовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. КАСТЕЛЬС, МАНУЭЛЬ. **Информационная эпоха: Экономика, общество и культура**. — М., 2000. <http://works.doklad.ru/view/Lw7oW4R3C7Q/all.html>, дата обращения: 9 июня 2017 года.
2. УЭБСТЕР, ФРЭНК. **Теории информационного общества**. — М., 2004.
3. FREEMAN С. **Preface to Part II** // Dosi et al. 1988b: 10.
4. **Анализ информационной эпохи М. Кастельсом (по книге М. Кастельса " Информационная эпоха ")** / <http://online-studies.ru/analiz-informacionnoj-epochi-m-kastelsom-po-knige-m-kastelsa-informacionnaya-epocha/>
5. ГИДДЕНС, ЭНТОНИ. **Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь**. — М., 2004.
6. МЕЛЮХИН И. С. **Информационное общество и государство**. . <http://www.bestreferat.ru/referat-85333.html>. Дата обращения: 7 июня 2017 года.
7. НАУМЕНКО Т.В., ВИШНЕВСКАЯ Е. Л. **Информационное влияние на потребительский выбор в условиях современного общества** / Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С. 87–90.